

Скороходова Юлия Александровна

СООТНОШЕНИЕ ВЕРЫ И ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е. А. БОРАТЫНСКОГО

В статье рассматриваются ключевые ценности художественного мира Е. А. Боратынского, прослеживается их взаимосвязь, аргументируется мысль о том, что именно любовь способствовала обретению поэтом гармонии духа, к которой он стремился всю жизнь. Религиозный подтекст является "сердцевиной" аксиологической миромоделирующей системы Е. А. Боратынского, что обусловлено устремленностью эпохи к горнему, а также мировоззренческой установкой поэта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 153-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Галиев Ш. Г. Илһамым-мәхәббәтем: лирик язмалар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 408 б.
2. Галиуллин Т. Н. Дөгъва: хикәяләр, публицистика, әдәби тәнкыйть. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 256 б.
3. Гыйләжев А. М. Җәсерләр, дурт томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. Т. 4. Роман. Повесть. 440 б.
4. Еники Ә. Н. Җиз кыңгырау: хикәяләр. Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. 224 б.
5. Мәдиев М. Сайланма җәсерләр: 3 томда. Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. Т. 1. Повестьлар. 534 б.
6. Сагдиева Р. К. Аффиксы как средства выражения конкретизирующих отношений в татарском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2000. 22 с.
7. Сагдиева Р. К. Аффиксы как средства выражения конкретизирующих отношений в татарском языке: дисс. ... к. филол. н. Казань, 2000. 164 с.
8. Сагдиева Р. К. Повторение как средство выражения конкретизирующего отношения в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35). Ч. 2. С. 181-184.
9. Сагдиева Р. К. Роль звукоподражательных слов в образовании конкретизирующего отношения в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33). Ч. 2. С. 169-172.
10. Татарская грамматика. Казань: Татарское кн. изд-во, 1997. Т. II. Морфология. 397 с.
11. Харисова Ч. М. Татар теле. Морфология: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2010. 128 б.
12. Хисамова Ф. М. Татар теле морфологиясе: югары уку йортлары өчен дәреслек. Казан: Мәгариф, 2006. 335 б.
13. Хәбибуллин М. Илчеге үлем юк: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. 384 б.
14. Хәсанов М. Саф жыллар: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1986. 423 б.
15. Хәсни Ф. Утызынчы ел: роман. Казан: Татар. кит. нәшр., 1980. 391 б.

**THE ROLE OF PREDICATIVE WORDS IN THE FORMATION
OF CONCRETIZING ATTITUDE IN THE TATAR LANGUAGE**

Sagdieva Ramilya Kamilovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga Region) Federal University
ramsag777@rambler.ru

In the Tatar language there are predicative words which stand between content and syncategorematic parts of speech. In syntactic aspect they can be referred to content parts of speech as they form word combinations. In the article for the first time the author studies the concretizing attitude between predicative words and nouns, pronouns, and verbs, analyzes the shades of meaning and means of connection.

Key words and phrases: concretizing attitude; predicative words; verb; pronouns; noun; ways of expression; shades of meaning.

УДК 821.161.1.

Филологические науки

В статье рассматриваются ключевые ценности художественного мира Е. А. Боратынского, прослеживается их взаимосвязь, аргументируется мысль о том, что именно любовь способствовала обретению поэтом гармонии духа, к которой он стремился всю жизнь. Религиозный подтекст является «сердцевинной» аксиологической миромоделирующей системы Е. А. Боратынского, что обусловлено устремленностью эпохи к горнему, а также мировоззренческой установкой поэта.

Ключевые слова и фразы: понятие «вера»; понятие «любовь»; аксиологические доминанты; лирический герой; гармония духа; идеал поэта.

Скороходова Юлия Александровна

*Мичуринский государственный аграрный университет
djuliaaackilova@yandex.ru*

**СООТНОШЕНИЕ ВЕРЫ И ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е. А. БОРАТЫНСКОГО©**

Для творчества Е. А. Боратынского характерно сближение понятий «вера» и «любовь». Вера является опорой идеальных отношений, помогая взрастить в своем сердце «любовь истинную». В то же время любовь приближает человека к Богу. Бог есть Любовь. Поскольку человек создан по образу и подобию Божию, то и Любовь является важнейшим компонентом духовного мира человека. Стремление к добру заложено в нас изначально. Не случайно Господь призывает: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как я возлюбил вас» (Ин. 15, 19), «Возлюби ближнего твоего как самого себя» (Мф. 22, 39) [2]. Любовь является одной из трех ключевых добродетелей. Вот как характеризует любовь истинную апостол Павел, в своем обращении к коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает,

© Скороходова Ю. А., 2014

хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13, 1-8, 13) [Там же].

Поэтому прав Н. И. Гнедич, утверждавший, что:

*Кто на земле не вкушал жизни на лоне любви,
Тот бытия земного возвышенной цели не понял;
Тот предвкусить не успел сладостной жизни другой:
Он, как туман, при рождении гбнуций, умер, не живши* [3, с. 120].

Очевидно, что речь здесь идет не о любви-страсти, а об истинной любви, даже не столько к любимой женщине, сколько к ближнему вообще, которая открывает перед человеком иное видение жизни и смерти. Жизнь «другая» названа сладостной, поскольку любовь просветляет человека и указывает ему те духовные пути познания запредельного, которые доступны лишь душе, посещенной Богом. Поскольку где Любовь, там пребывает благодать Господня. Важно, что поэт использует глагол «предвкусить» вместо «вкусить», поскольку любовь на земле – это лишь часть того целого. Человек может отказаться от радостей этой жизни, только найдя достойную альтернативу, и назвать иное бытие сладостным он может лишь в том случае, если приобщился его духовно, почувствовал на себе благодать, близость Бога.

Когда жизнь человека освещена светом истинной любви, душа его исполнена ликования от вкушения благодати, материальные ценности отходят на второй план. Поэтому взгляд его души обращается к «возвышенной цели» — непрестанному духовному самосовершенствованию, преодолению испытаний и страданий. Любовь облегчает страдания и поддерживает в минуту испытаний, напоминая, что все невзгоды имеют временный характер. Любовь является основой и веры и надежды.

Стихотворение Н. И. Гнедича перекликается со стихотворением Е. А. Боратынского «Она» (1837 г.), адресованное А. Л. Энгельгардт. Любовь истинная приобщает Боратынского к той сфере духовного, небесного, идеально прекрасного, того что он так долго и мучительно искал.

Поэт подчеркивает, что обрести эту гармонию духа он смог не посредством разума и даже не посредством чувства, но диалога двух родственных душ:

*Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
Что говорит не с чувствами – с душой;*

*Есть что-то в ней над сердцем самовластней
Земной любви и прелести земной* [1, с. 135].

Любовь дает поэту особую полноту знания, которого он не мог достичь на путях мысли и анализа. Поэт характеризует это знание, как «что-то» неясное разуму, но понятное душе, поскольку языку человеческому порой не под силу передать всю глубину духовного озарения, этой неземной радости. Это как будто бы что-то знакомое, но позабытое:

*Как сладкое души воспоминанье,
Как милый свет родной звезды твоей* [Там же]...

Но ведь вспомнить можно только то, что уже было. Это трепет души, которой коснулся свет Истины. Душа помнит, что её Отечество – Небо, и свет любви, а значит, проявления Божия, дарует ей радость общения с Богом. Важно, что в этом состоянии Божьего посещения «не мыслишь ты», то есть важнейшая черта Боратынского – поверять разумом все происходящее, утрачивает свое господство над его душой. Боратынский в письме к Коншину от 14 декабря 1826 г. высказал очень важную мысль: «Так, мой милый, вашего полку прибыло: я женат и счастлив <...> Но я не стану приписывать счастья своего моим философическим правилам, – нет, мой милый, главное дело в том, что бог мне дал добрую жену, что я желал счастья и нашел его...» [5, с. 184]. Поэт подчеркивает, что жена его от Бога и что любовь сделала его по-настоящему счастливым. Эта же мысль прозвучит в стихотворении «Судьбой наложенные цепи...» (1827 г.). Это стихотворение вбирает в себя аксиологические доминанты его творчества: Родина, природа, дружба, семья, вера – все эти ценности объединяет Любовь. Это своего рода вехи на его жизненном пути. Более того – это его путь к вере. Не случайно поэт начинает стихотворение с обращения к духовным истокам: «родные степи, моя начальная любовь» [1, с. 140]. Понятия «Родина» и «природа» функционируют в контексте неразрывно, что подчеркивает их единство, неделимость в сознании поэта. С детских лет будущий поэт чувствовал непреодолимое стремление общения с природой. Умение слышать голос природы, а значит, читать книгу Божию, позволяет человеку постигать величие Бога, мудрое устройство мира. Природа – это своего рода остаток рая на земле. Это отсвет мира горнего, соприкосновение с вечной Красотой. Как известно, детские впечатления самые сильные, и остаются в памяти на всю жизнь. Родная природа была той благодатной основой, на которой поэту удалось взрастить и привить потребность к добру, красоте, любви, которые вылились в единую аксиологическую ценность «соразмерностей прекрасных», в соответствии с которыми он и искал свой жизненный идеал:

*Ко благу пылкое стремленье
От неба было мне дано* [Там же]...

Поддержкой и опорой в трудные, скорбные минуты жизни была для поэта дружба. И хотя со многими он был соединен на краткий «миг», и невозможность очного общения с ними в силу того, что «далече бедствуют иные / И в мире нет уже других» [Там же], наполняет его сердце скорбью, но не разрывает духовной

связи с ними. В творчестве Боратынского дружба – это дар Божий, это – семья, отношения в которой основаны на чувстве глубокого понимания и любви друг к другу.

Лирический герой возвращается в «приют младенческих годов» как путник после тяжкого путешествия, испытавший разочарования, боль утраты и сомнения, чувство бесплодности своего труда. И тем приятнее ему увидеть милый сердцу край, где все осталось неизменно. Более того, поиски идеала были не напрасны: он обрел его в образе «супруги молодой», которая стала для него «соучастницей в мольбах». Характеристика жены как «соучастницы в мольбах» имеет важнейшее смысловое наполнение. Впервые упоминание о «молениях» мы встречаем в стихотворении «К Кюхельбекеру» (1820 г.):

*Строга ль богиня будет к нам,
Пошлет ли весть соединенья?*

*Пускай пред ней сольются там
Друзей согласные моления* [Там же, с. 70].

«Согласные моления» – это просьба двух людей о чем-то важном не для каждого в отдельности, но для обоих. Моления друзей «согласными» делает прежде всего «к музам чистая любовь», которая их «навек соединила» взаимопониманием.

Судьба хотя и названа «богиней» в контексте, но, тем не менее, употребляется в значении: «стечение обстоятельств, не зависящих от воли человека, ход жизненных событий» [6, с. 778]. Но при этом в стихотворении расставлены религиозно-смысловые акценты: «Бог весть», «согласные моления», «там». О том, что ждет впереди, от человека сокрыто: об этом знает только Бог. «Согласные моления» – это сила совместной молитвы, которая, по словам Спасителя, будет услышана: «истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18, 19-20) [2]. Местоименное наречие «там» (курсив Е. А. Боратынского) символизирует Небо.

Если в стихотворении «К Кюхельбекеру» «взывают» двое объединенные одной целью, то в стихотворении «Судьбой наложенные цепи...» [1, с. 141] – двое, ставшие одним целым. Поскольку, согласно православию, муж и жена – одно целое: «...и будут два одною плотью; так что они уже не двое, но одна плоть» (Быт. 2, 24) [2]. И поэтому так важно сохранить идеальную чуткость друг к другу: их «моления» должны быть непременно «согласными», а значит, услышанными Богом. А там где Бог – там мир, любовь и духовная радость общения. Поэтому неслучайно Боратынский заканчивает стихотворение «Судьбой наложенные цепи...» провозглашением главенства любви в его жизни, той любви, которая привела его к вере.

В стихотворении «Когда дитя и страсти и сомненья...» (1844 г.) мысль Е. А. Боратынского о взаимосвязи любви и веры получает наиболее отчетливое звучание. Это стихотворение поэт посвятил своей жене. Характерно, что образ супруги в творчестве автора всегда необыкновенно светлый, лучезарный, таинственно прекрасный, поскольку символизирует идеал поэта. Стихотворение «Когда дитя и страсти и сомненья...» буквально соткано из религиозно-смысловых нитей: слова «таинство», «кроткая», «ад», «край», «чудесная любовь», «святая», «небо» входят в понятие «вера». Важно, что поэт позиционирует себя как «дитя и страсти и сомненья». Такая характеристика включает две доминанты «добро» и «зло». Поскольку, под словом «дитя» подразумевается ангельско-чистое восприятие, близость к Богу. В каждом из нас есть «дитя», но «бури жизненные» порой заглушают его голос. В связи с этим, приведем слова Иисуса Христа: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 3) [Там же]. Доминанта зла выражается в соединении «страсти и сомнения». Ведь любая страсть – это почва для греха, а сомнение в вопросах веры именуется маловерием, следовательно, и страсти и сомнения являются грехом и удаляют от Бога. Как вернуть себе это детское восприятие мира, как разрешиться от пут сомнений и страстей? — вот что выражает взгляд лирического героя, обращенный к лирической героине. Она понимает его без слов, достаточно проникновенного взора. Она не только сочувствует, но и разделяет тяжесть его «страстей и сомнений», готовая во всем ему помочь:

*Когда дитя и страсти и сомненья,
Поэт взглянул глубоко на тебя,
Решилась ты делить его волненья
В нем таинство печали полюбя* [1, с. 219].

Лирическая героиня охарактеризована как «смелая и кроткая». Смелая, то есть уверенная в силе веры и любви, которые как два крыла поднимают душу лирического героя из бездн ада. Но она уверена не столько в своих силах, сколько в силе Божией, о чем свидетельствует характеристика «кроткая», то есть покорная воле Божией, возлагающая на Него упование:

*Ты, смелая и кроткая, со мною
В мой дикий ад сошла рука с рукою* [Там же, с. 220]...

В этой связи справедливо мнение исследовательницы Т. Г. Коноваленко, трактующей смирение не только как важнейшую христианскую добродетель, [4, с. 101] но и подчеркивающей взаимосвязь смирения с покаянием, верой, терпением и любовью, опираясь в этом на богословские труды [Там же, с. 103].

Любовь прежде всего обращает внимание не на падения, ошибки, недостатки, но на достоинства, видит то доброе и чистое, что порой скрыто глубоко в душе, и многим при поверхностной оценке недоступно и незаметно:

«Рай зрела в нем чудесная любовь» [1, с. 220]. «Чудесная любовь», чуткая, освобождающая, обновляющая, то есть творящая с людьми чудесные преобразования. Более того, Господь ведь говорит с людьми на языке чуда:

*О, сколько раз к тебе, святой и нежной,
Я прикидал главой моей мятежной,
С тобой себе и небу веря вновь* [Там же].

Герой называет лирическую героиню «святой». И это не случайно, ведь к святым люди обращаются со своими просьбами, поскольку они обладают особым дерзновением пред Богом. Она для него действительно ангел-утешитель, возвращающий ему веру и в себя и в Бога. Освободив душу лирического героя от пут «страстей и сомнений», она помогает ему обрести счастье и свободу, радость «восстания», то есть спасает его. Мысль о возвращении ему духовного здоровья была отражена Боратынским ранее: в письме к Коншину от 14 декабря 1826 г., где он уподобляет себя больному, нуждающемуся в целительном лекарстве «любви и понимания», которое могло бы его «поднять»: «Я был подобен больному, который, желая навещать прекрасный отдаленный край, знает лучшую к нему дорогу, но не может подняться с постели. Пришел врач, возвратил ему здоровье, он сел и поехал. <Зачеркнуто 1,5 строки>. Отдаленный край – счастье; дорога – философия; врач – моя Настинька» [5, с. 184]. Любовь – это поистине врата совместного спасения.

Таким образом, исключительная роль в обретении истинной, крепкой веры в творчестве поэта отводится любви, которая умножает и утверждает ростки веры, направляя вектор всех духовных устремлений к Богу-Любви.

Список литературы

1. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. И. М. Тойбина. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2011. 1377 с.
3. Гнедич Н. И. Стихотворения. Поэмы / сост., вступ. ст. и примечания В. В. Афанасьева. М.: Советская Россия, 1984. 224 с.
4. Коноваленко Т. Г. Смирение как ключевой концепт православной языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37). Ч. 2. С. 101-104.
5. Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. 1800-1844 / сост. А. М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 496 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

CORRELATION OF FAITH AND LOVE IN ARTISTIC INTERPRETATION OF E. A. BORATYNSKY

Skorokhodova Yuliya Aleksandrovna
Michurinsk State Agrarian University
djuliaackilova@yandex.ru

The article considers the key values of E. A. Boratynsky's artistic world, traces their interrelation, and argues the idea that it is love that contributed to poet's attainment of spirit harmony, which he sought all his life. Religious underlying theme is the «eore» of E. A. Boratynsky's axiological world-modeling system that is conditioned by the striving of era for heavenly world, as well as worldview attitudes of the poet.

Key words and phrases: notion of «faith»; notion of «love»; axiological dominants; lyrical hero; harmony of spirit; poet's ideal.

УДК 81'367.7

Филологические науки

Рассматривается актуальность временных значений в структуре предложения. Дается характеристика основных типов темпоральных значений относительно категорий определенности / неопределенности, приводятся основные средства выражения данных значений. Подробно рассмотрено приблизительно известное время, его актуальность в синтаксисе предложения. Неопределенный приблизительно срок реализации ситуации выражается специальными индикаторами и вспомогательными языковыми средствами.

Ключевые слова и фразы: актуальное время; экспликатор времени; временные значения; неопределенность; приблизительное временное значение.

Скубриева Анна Игоревна

Таганрогский государственный педагогический институт имени А. П. Чехова
skubrieva.anna@mail.ru

АКТУАЛЬНОЕ ВРЕМЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ©

Вопрос о природе, свойствах и структуре времени является актуальным для развития современной науки, как для естественного, так и для гуманитарного знания. Понятие времени как философской, физической и